

Фу Цзюньсин смотрел на эту дерзкую служанку, которая отчитывала его прямо в лицо, и его терпение уже дошло до предела. Строгим голосом он бросил:

— Наглость! Похоже, Сяо Ци и впрямь тебя совсем избаловала.

Сказав это, он поднялся и ушёл, не выказав ни малейшего сожаления.

Хотя на сердце у Фу Цзюньсина скребли кошки, это не значило, что он мог просто так забыть прошлое, отбросить душевные обиды и притвориться, будто ничего не произошло.

По крайней мере, сейчас он был на это неспособен.

Когда Фу Цзюньсин удалился, Сяо Мань медленно поднялась с пола.

Его Высочество Наследный принц не стал её наказывать — судя по всему, те слова возымели действие.

О том, что происходило в комнате, Фу Цици не знала абсолютно ничего.

В этот момент она стояла посреди бескрайней белой пустоты. Сюжет, насильственно вбитый ей в голову, дал понять, что она попала в роман — в прочитанную ей ранее историческую книгу в жанре бэнь-нань о придворных интригах под названием «Замысел Поднебесной». Поскольку женских персонажей там не было, она собиралась просто почитать историю и поболеть за романтические отношения между двумя главными героями.

Но сама она теперь превратилась в N-ную второстепенную героиню этой книги, причём такую, которая вообще никак не влияла на сюжет.

Если подумать, её трудно было назвать даже N-ным персонажем.

К тому же одним из главных героев этой книги приходился родным братом её нынешнему телу.

Этим главным героем был Фу Цзюньсин.

Поэтому в краткой биографии Фу Цзюньсина вскользь упоминалось лишь одно предложение: [Его сестра, принцесса Чжаоян Фу Цици, скончалась в пятнадцатилетнем возрасте.]

Поскольку от начала и до конца во всей книге об этой принцессе больше не было сказано ни слова, никто так и не понял, какие же чувства на самом деле испытывал Фу Цзюньсин к Фу Цици.

Она одно время даже подозревала, что автор ввёл её просто ради объёма текста.

Так ничего и не поняв, Фу Цици скрестила ноги и принялась восстанавливать в памяти сюжет книги. Вся история крутилась вокруг взаимной любви и борьбы между Фу Цзюньсином из Государства Тяньцин и Сяо Юньчжанем — обделённым вниманием маленьким принцем из враждебного Государства Аннань. Они одновременно были и соперниками, и друзьями.

После очередного поражения в войне Государство Аннань уступило два города в качестве контрибуции и вдобавок отправило Сяо Юньчжаня заложником, после чего войска Тяньцина отвели назад.

Пребывание в заложниках в Государстве Тяньцин свело Фу Цзюньсина с Сяо Юньчжанем. Первое впечатление, которое Сяо Юньчжань произвёл на Фу Цзюньсина, заключалось в том, что этот лишённый отцовской любви, болезненный и слабый на вид принц был вовсе не так прост, как казалось.

И Сяо Юньчжань действительно оказался куда сложнее, чем выглядел на поверхности: у него давным-давно имелся собственный отряд теневых стражей, и, находясь в Государстве Тяньцин, он мог полностью контролировать каждое движение в Государстве Аннань.

Позже случайное стечение обстоятельств привело к тому, что Фу Цзюньсин столкнулся с Сяо Юньчжанем во время его тайной встречи с подчиненными. Фу Цзюньсин не только не выдал его, но напротив — помог, даже оказав содействие в захвате власти.

Поначалу Сяо Юньчжань не испытывал ни малейшей симпатии к наследному принцу враждебной страны: в конце концов, они находились по разные стороны баррикад, и в случае нового военного столкновения Фу Цзюньсин вполне мог стать его врагом, так что избежать душевного отчуждения было трудно.

Однако в процессе общения Сяо Юньчжань постепенно отбросил эту предвзятость, записав Фу Цзюньсина в друзья. Правда, этот тип по имени Фу Цзюньсин не знал дружбы, когда речь заходила о государственных интересах, поэтому они вечно грызлись при каждой встрече — сначала соревнуясь как принцы, а затем и как императоры. И всё же вера в сердце оставалась неизменной: как бы яростно они ни соперничали, обоим это, казалось, доставляло искреннее удовольствие. Они оставались друг для друга одновременно соперниками и друзьями, а в некоторых аспектах — даже тонкими ценителями талантов друг друга.

Она действительно выискивала сладкие моменты в деталях их взаимоотношений.

Правда, дочитала она лишь до того места, когда обоим главным героям исполнилось по восемь лет и они одновременно взошли на престол.

При этом Фу Цзюньсин после восшествия на трона превратился в настоящего тирана: действовал жестоко и безжалостно, казнил старых сановников, а убивая людей, не щадил даже ни в чём не повинных наложниц из гарема. Это был хладнокровный и беспощадный палач.

Но вся его жестокость распространялась исключительно на придворные дела и политические методы. По крайней мере, он не притеснял простой народ, и в Государстве Тяньцин по-прежнему царили мир и благополучие — для обычных людей он оставался хорошим правителем.

Дальше она читать не стала, поэтому понятия не имела, как сюжет развивался у главных героев дальше.

В прежнем мире она была круглой сиротой — матушка-директриса подобрала её на снегу.

После смерти матушки-директрисы её и вовсе ничего не держало.

Ладно, раз уж пришла, придется освоиться.

Разобравшись со всем, Фу Цици поднялась на ноги и огляделась: во-первых, нужно было найти выход. Во-вторых, перед ней стояла ещё одна проблема, требующая решения — каким образом она вообще здесь оказалась? В-третьих, долго находиться в бессознательном состоянии тоже нехорошо, надо было как можно скорее приходить в себя. В-четвёртых, она абсолютно ничего не знала о делах Фу Цици, а значит, очнувшись, придется притвориться потерявшей память и попытаться выведать нужные сведения, чтобы обустроить свою дальнейшую жизнь.

А если бы получилось вернуться — было бы ещё лучше.

Хотя Фу Цзюньсин и держался с младшей сестрой несколько холодно, на данный момент она всё ещё оставалась принцессой, и по крайней мере в будущем ей не придется беспокоиться о еде, одежде и жилье.

Фу Цици подумала, что такая жизнь отлично подходит для спокойной старости.

Но ведь по сюжету ей было суждено умереть в пятнадцать лет.

Так что ей непременно нужно выжить.

Ну что же, давай сойдемся лицом к лицу! Фу Цици брела куда глаза глядят, как вдруг наткнулась на преграду из невидимой силы и угодила прямо в неё. Ей и без того знатно приложило затылок, а теперь еще и лоб пострадал. Разве ж это жизнь?

Фу Цици попробовала еще в нескольких местах, но выйти не получалось — каждый раз она упиралась в глухую стену.

Потирая ушибленный лоб, Фу Цици сердито крикнула в пустоту:

— Выходи! Хватит строить из себя призраков! Если смел, не прячься, а?

Она прождала добрую половину дня, но вокруг царила тишина. Терпение Фу Цици подошло к концу, и она крайне раздраженно, с нарастающей яростью бросила:

— Ладно, не хочешь выходить — и не надо! Не выйдешь — лягу здесь, будем тянуть время вместе!

С этими словами Фу Цици улеглась прямо на землю.

Стоило ей только договорить, как вокруг всё изменилось: прямо перед Фу Цици из ниоткуда возникли какие-то видения.

Фу Цици поднялась и уселась, скрестив ноги.

Это были воспоминания о Фу Цзюньцине, начиная с самого раннего детства и до взросления.

Картинки проносились перед глазами Фу Цици с бешеной скоростью, словно на ускоренной перемотке, но при этом она видела абсолютно всё с поразительной четкостью.

Словно эти образы изначально были заперты в глубях ее собственной памяти.

Когда видения растаяли, Фу Цици наконец поняла, почему Фу Цзюньсин так недолюбливал свою младшую сестру. Будучи законнорожденной принцессой, рожденной от самой любимой императором Государства Тяньцин императрицы, Фу Цици с самого рождения была окружена всевозможной заботой и любовью. Поскольку она родилась в седьмом месяце, император дал ей домашнее прозвище Сяо Ци, а также даровал личное имя из иероглифов своего рода — Фу Цици, пожаловав титул принцессы Чжаоян.

С малых лет императрица баловала девочку, воспитывая при себе. У нее был чистый и добрый нрав, к людям она относилась с теплотой и мягкостью, а также отличалась живостью ума и озорством — в ее голове всегда роилось больше всего хитроумных идей. С раннего детства она выглядела словно вырезанная из фарфора или слепленная из нефрита, поэтому император, императрица и Фу Цзюньсин души не чаяли в Фу Цици.

Так продолжалось до тех пор, пока в тринадцатилетнем возрасте Фу Цици не встретила Малую княжну из резиденции князь Хэна по имени Фу Юэсинь. Та устроила против нее постановочное столкновение: принцесса упала на землю и ударилась головой, а после пробуждения ее характер полностью изменился.

Она стала высокомерной и деспотичной, грубой и своенравной, прислугу возле себя начала избивать и бранить по пустякам, а к дворцовым слугам относилась не лучше, чем к букашкам.

Позже супруга князя Хэна привела Фу Юэсинь с повинной, чтобы принести извинения. Две девочки примерно одного возраста очень быстро подружились и стали неразлучны. Фу Юэсинь была старше Фу Цици на несколько месяцев, а князь Хэн приходился императору родным братом по матери, поэтому Фу Цици, естественно, относилась к Фу Юэсинь со всей теплотой, и всё самое вкусное и интересное всегда было у нее на уме в первую очередь ради подруги. Но Фу Юэсинь, казалось, придерживалась совсем другого мнения. С самого детства она слышала от своей матери-наложницы, что трон изначально должен был принадлежать ее отцу-князю, а значит, если рассуждать логически, и титул принцессы по праву должен был достаться ей. К тому же, Фу Цзюньцина баловали и император-отец, и императрица-мать, и старший брат, в то время как у нее была лишь мать-наложница.

Отец и вовсе не замечал ее, свою дочь, обращая внимание лишь на сыновей от наложниц. Вдобавок ко всему, после того как она познакомилась с Фу Цзюньцином, стоило им появиться вместе, как окружающие неизменно восхищались красотой Фу Цзюньцина.

Поэтому в сердце Фу Юэсинь зарождалась обида и зависть. Она хотела уничтожить всё, что было у Фу Цзюньцина: забрать всю его любовь и ласку, отнять титул принцессы, а также

присвоить его отца-императора, императрицу-мать и старшего брата, сделав так, чтобы все вокруг возненавидели его.

Фу Юэсинь обманом заставила Фу Цзюньцина подсыпать яд в питье императрицы, что привело к преждевременным родам. Из-за этого младший принц родился слабым и болезненным.

Хотя императрица и император страдали от боли и обиды, они всё же не смогли сурово наказать дочь, которую баловали столько лет. Фу Цзюньцину назначили наказание в виде двух месяцев домашнего ареста, а также публично объявили, что он обязан ежедневно по часу стоять на коленях перед статуей Будды. Но разве могли императрица с императором втайне допустить, чтобы Фу Цзюньцин действительно стоял на коленях? Однако неведомо почему, до самого Фу Цзюньцина дошло лишь то, что стоять на коленях нужно обязательно. И тогда Фу Цзюньцин каждый день исправно выстаивал положенный час, из-за чего теперь его колени страдали от старой травмы.

С тех пор по дворцу начали один за другим расползаться слухи о дурных поступках Фу Цзюньцина. Говорили, будто принцесса Чжаоян воровала императорские доклады, подделывала императорские указы, похищала Императорскую печать, лишила императрицу возможности иметь детей, разбила единственную реликвию, оставшуюся от наставника Наследного принца, избивала слуг и чинила произвол — и так далее, и тому подобное.

Всё это началось с того, что Фу Цзюньцин влюбился в юношу из бедной семьи и во что бы то ни стало пожелал сделать его своим мужем. Императрица с императором были против, и тогда Фу Юэсинь принялась подстрекать Фу Цзюньцина творить различные гадости, чтобы шантажом заставить их уступить.

Любой из поступков, совершенных Фу Цзюньцином, тянул на тягчайшее преступление, не прощающееся ни при каких обстоятельствах. Но благодаря тому, что императрица, император и Наследный принц ревностно оберегали его, Фу Цзюньцин неизменно выходил сухим из воды.

И хотя император с императрицей по-прежнему защищали Фу Цзюньцина изо всех сил, их сердца уже давно были разбиты им, ведь они никак не могли смириться с тем, что их некогда послушная и милая дочь превратилась в такое чудовище.

Во дворце поговаривали, будто принцесса Чжаоян помешалась рассудком из-за пережитого стресса во время домашнего ареста, и именно поэтому стала творить столько злодеяний.

В конце концов, опасаясь, что Фу Цзюньцин натворит еще каких-нибудь глупостей, император и императрица просто отправили его в Восточный дворец, поручив Фу Цзюньсину приглядывать за ним. В конце концов, после того как характер Фу Цзюньцина переменился, единственным человеком, которого он действительно боялся, оставался лишь Фу Цзюньсин. Ей строго-настрого запрещали покидать Восточный дворец даже на шаг, но стоило только ступить туда, как она тут же тайком сбежала и свалилась в воду.

На этот раз падение Фу Цзюньцина в воду тоже было целиком и полностью спланировано Фу Юэсинь: она обманом выманила Фу Цици из Восточного дворца, а затем подстроила всё так,

будто Фу Цзюньцин столкнул её в воду.

Из-за дурной репутации Фу Цзюньцина все вокруг решили, что в случившемся виновен именно он.

Это лишь сильнее разочаровало Фу Цзюньсина, а также императора и императрицу.

Прочитав всё это, Фу Цици хотела выразить свои мысли всего тремя словами: «Ха, какая же дура».

Обладая всеобщей любовью и поддержкой, умудриться своими же руками всё просрать!

Смерть была подозрительной, и малая княжна здесь явно была замешана.

К тому же она, кажется, поняла, почему в этой книге во внутренних монологах Фу Цзюньсина никогда не упоминался Фу Цзюньцин. Поскольку он искренне верил, что во всём виноват Фу Цзюньцин, ослеплённый брат, раненный до глубины души той, кого он считал лишь капризной и вредной сестрой, конечно же, не стал бы по ней горевать.

Эх, неужели у этого главного героя в детстве совсем не было мозгов? И как он только стал императором? Как можно было не заметить столь разительных перемен в характере родной сестры?

Фу Цици переваривала информацию некоторое время, а затем бросила в пустоту:

— Говори, чего тебе от меня надо?

Едва слова Фу Цици затихли, как раздался несколько детский голосок:

— Приветствую, я — страж мира этой книги. Пожалуйста, помоги Фу Цзюньцину вновь завоевать былую любовь императора, императрицы и старшего брата. После выполнения задания ты не только избежишь смерти в пятнадцать лет, но и сможешь полностью завладеть этим телом, чтобы спокойно прожить всю жизнь в этом мире.

Фу Цици с досадой скрипнула зубами: этот наглец посмел подслушивать её мысли! — и холодно произнесла:

— Я поняла.

— Ответь мне, с чего это вдруг Фу Цзюньцин так сильно изменился в характере?

Лишь спустя долгое время кто-то ответил:

— То была не она. Теперь тебе нужно запомнить лишь одно: отныне ты и есть Фу Цзюньцин.

Фу Цици уточнила:

— Понятно. Скажи, после того как я выполню задание, смогу ли я вернуться обратно?

Собеседник ответил с заминкой:

— Нет.

Фу Цици тут же всполошилась:

— С чего это вдруг нельзя? Разве в романах не так пишут? Выполняешь задание, получаешь награду и возвращаешься домой. Почему я не могу?

— А разве хоть в одном романе главный герой возвращался? Все ведь остаются ради любви и мира во всём мире.

Фу Цици: «.....» Возразить было абсолютно нечего.

— К тому же, ты сирота. После того как врач зафиксировал твою смерть, крематорий из величайшей доброты тебя крестил, да ещё и милостиво отыскал для тебя местечко на кладбище и предал земле.

Фу Цици: «.....»

Красивое ругательство уже вертелось на языке, но ей пришлось насильно проглотить его обратно.

У неё были веские основания подозревать, что крематорий просто использовал её в рекламных целях ради собственной репутации.

Фу Цици махнула рукой с видом человека, которому уже всё равно:

— Ладно, отправляйте меня обратно.

Собеседник ничего не ответил, однако окружающая обстановка начала постепенно меняться, и вдруг стало светло до такой степени, что резало глаза.

Вокруг стояла зловещая тишина. Фу Цици поджала губы и произнесла:

— Спасибо тебе.

В ответ Фу Цици получила всё ту же мёртвую тишину.

Фу Цици спросила:

— А ты будешь ходить за мной по пятам? Иначе откуда мне знать, когда задание будет выполнено? И ещё: если я выполню задание и не умру, ты уверен, что это не сломает дальнейший сюжет?

Детский голосок прозвучал вновь:

— Не сломает.

Урезать ей пайки едой?

Фу Цици вовсе не расстроилась. Если бы эта сущность действительно таскалась за ней повсюду, она бы, пожалуй, даже чувствовала себя не в своей тарелке. Слегка кивнув, она холодно ответила:

— Хорошо, я поняла. Отправляй меня обратно.

— Влияет это на сюжет или нет — не твоё дело. Твоя задача — просто выполнить задание. А о прогрессе выполнения тебя будут уведомлять время от времени.

Услышав запоздалый ответ, Фу Цици закатила глаза:

— Знаю я, знаю. Отправляй меня обратно.

Она уже обдумала план действий: раз в тех мерзостях Фу Цзюньцин был невиновен, она ни за что не станет брать на себя чужую вину.

— Спасибо тебе за то, что согреваешь все четыре времена года...

Уходя, Фу Цици что-то напевала себе под нос.

После ухода Фу Цици в пустоте появилась фигурка ребёнка с пухлым детским личиком, забранными в высокий хвост длинными волосами и в белых одеждах. Он дёргал уголком рта:

— Что за чушь она поёт? Ни единой ноты впапад.

— Но всё же хорошо, хорошо, что её вернули. Надеюсь, всё вернётся в нормальное русло.

Фу Цици открыла глаза и увидела широкую резную кровать с балдахином. Тихонько всхлипнув, Сяо Мань, заснувшая прямо на коленях у кровати, мгновенно проснулась. Она помогла Фу Цици приподняться и подложила ей под спину подушку, чтобы та могла облокотиться.

— Госпожа, вы очнулись! Наверное, проголодались? Я велю подать обед.

Фу Цици погладила пустой живот и кивнула:

— Угу.

Вероятно, сказывалась остаточная слабость от болезни, но голос Фу Цици звучал мягко и нежно, в нём не чувствовалось ни капли агрессии. От этого у Сяо Мань покраснели глаза, и сердце её сжалось от жалости.

Сяо Мань поднялась на ноги и позвала:

— Сяо Цзинцзы!

В комнату, согнувшись в три погибели, вошёл юноша в евнушеском наряде:

— Сестрица Сяо Мань, что такое?

Закончив говорить, он увидел полулежащую на кровати Фу Цици, плюхнулся на колени и сквозь слёзы выпалил:

— Госпожа, вы наконец-то очнулись!

Фу Цици глядела на стоящего на коленях миловидного юного евнуха, выдавила из себя бледную улыбку и тихо произнесла:

— М-м-м.

Она знала, что этот Сяо Цзинцзы и Сяо Мань росли вместе с Фу Цзюньцином и были ему преданны до мозга костей. Именно поэтому, переехав в Восточный дворец, Фу Цзюньцин взял с собой только их двоих, а остальных оставил в своих прежних покоях.

Сяо Мань взволнованно произнесла:

— Госпожа, вы нас помните?

Фу Цици позабавила такая реакция. Она протянула руку и легко постучала обоих по лбу:

— Конечно помню, как же вас не помнить? Сяо Мань, Сяо Цзинцзы, вы что, с дуба рухнули? Это я стукнулась головой в Императорском саду, а не вы.

Сяо Мань и Сяо Цзинцзы остолбенели. У Сяо Мань покраснели глаза, и она робко переспросила:

— Тогда, госпожа, помните ли вы Его Высочество Наследного принца?

Фу Цици улыбнулась:

— Конечно, помню братика. Вы чего это расклеились?

— От ваших расспросов у меня голова заболела, — Фу Цици постучала себя по лбу.

Стоило Сяо Мань услышать, что у Фу Цици болит голова, как она тут же перепугалась:

— Больше не буду спрашивать! Рабыня велит Сяо Цзинцзы подать обед, поешьте сначала, госпожа.

Фу Цици кивнула:

— Хорошо.

После этого в её голове крутилось лишь одно: я так хочу есть, я так хочу есть, я хочу мяса!

— Раб сию минуту! — Сяо Цзинцзы отвесил поклон и попятился к выходу.

— А я пойду проверю ваше лекарство, госпожа.

Лицо Фу Цици было бледным, она лишь молча кивнула.

Убедившись, что Сяо Мань вышла, Фу Цици тут же сменила позу: развалившись на кровати и закинув ногу на ногу, она самодовольно посмотрела на дверь.

— Хи-хи, играла я только что отлично! Скоро поем и как следует вознагражу себя. Понятия не имею, сколько времени эта бедняжка голодала, в теле совсем нет сил.

Едва выйдя за порог, Сяо Мань окликнула Сяо Цзинцзы.

— В чём дело, сестрица Сяо Мань? Госпожа плохо себя чувствует?

— Нет, просто хочу сказать тебе: по пути доложи Его Высочеству Наследному принцу, что госпожа очнулась, и заодно позови Имперского лекаря Чжана.

Ей показалось, что после купания в пруду принцесса неуловимо переменялась — словно к ним вернулась прежняя госпожа.

Сяо Цзинцзы явно скривился:

— Зачем ещё Наследному принцу докладывать? Он всё равно не придёт навестить госпожу.

Лицо Сяо Мань слегка изменилось, и она строго оборвала евнуха:

— Сяо Цзинцзы, выбирай выражения! Приходит Наследный принц к госпоже или нет, мы обязаны докладывать.

Хотя Сяо Мань было всего пятнадцать лет, весу её словам было не занимать. Сяо Цзинцзы опустил голову:

— Слушаюсь, сестрица Сяо Мань, я понял.

Сяо Мань кивнула:

— Иди. Госпожа голодна, не заставляй её ждать. Смотри, все блюда должны быть вегетарианскими.

Сяо Цзинцзы заволновался:

— Но госпожа ведь... разве она...

— Об этом не беспокойся, просто сделай, как велено.

Сяо Цзинцзы знал, что у Сяо Мань всегда на всё есть своё мнение, поэтому расспрашивать дальше не стал. Он велел младшему евнуху позвать лекаря, сам отправился на кухню распорядиться насчёт стола с вегетарианскими блюдами для госпожи, а затем направился напрямик в кабинет Фу Цзюньсина.

У дверей кабинета дежурил молодой евнух. Приглядевшись, Сяо Цзинцзы понял, что лицо незнакомое — простое, честное, совсем не похожее на прихвостня или карьериста.

Заметив приближение Сяо Цзинцзы, евнух сразу узнал главного евнуха принцессы. Сам же он был новеньким, которого Наследный принц только что приблизил к себе. Юноша слегка согнулся в пояснице и почтительно поприветствовал:

— Цзин-гунгун.

От этого Сяо Цзинцзы даже стало немного неловко, ведь тот был старше его:

— Не нужно церемониться, гунгун.

Евнух ответил с крайним почтением:

— Так положено. У вас опыта больше, а я здесь новичок.

Раньше он был низкоранговым евнухом и выполнял самую чёрную работу, а теперь его внезапно перевели прислуживать самому Наследному принцу, поэтому ему приходилось действовать предельно осторожно. К тому же ходили слухи, будто прежнего личного евнуха принца прогнали именно за то, что тот оскорбил принцессу, так что бдительность терять было нельзя.

— Какой там опыт... Мы все просто рабы, прислуживающие господам. Впредь не будь таким официальным. Я ведь младше тебя, зови меня просто Сяо Цзинцзы.

Прежняя госпожа всегда относилась к слугам мягко и милосердно, так что ему самому не пристало задирать нос и кичиться положением.

Видя, что Сяо Цзинцзы настаивает, евнух больше не стал возражать:

— Тогда зовите меня Сяо Аньцзы.

Сяо Цзинцзы возразил:

— Нет уж, вы — личный евнух Наследного принца, к вам подобает обращаться уважительно.

— Что за шум тут поднялся? — раздался изнутри сердитый голос Фу Цзюньсина.

<http://bllate.org/book/20964/2127399>